

венного мнения, репрезентирующего культурные и исторические особенности общества, интегрирующего его.

Поскольку система культурно-исторических символов выражает доминирующие в обществе ценности, то это определяет их роль в формировании и функционировании общественной идеологии, в социализации и воспитании личности. В конечном итоге система культурно-исторических символов формирует поведение действующих субъектов истории. Все это обуславливает необходимость теоретического и прикладного изучения феномена культурно-исторических символов, как в исторической науке, так и в других социо-гуманитарных дисциплинах.

-
1. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 3; Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени: Реферат // Отечественные записки. 2004. № 5// www.strana-oz.ru.
  2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 (40-41) // www.pz-online.ru; см. также: Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94-113 (по мнению Г. Люббе, «сокращение настоящего — это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений»).
  3. Нора П. Указ. соч.
  4. Глебова И.И. Указ. соч. С. 7; см. также: Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

Дашкевич Л.А.
(Екатеринбург)

Становление духовного образования на Урале

Истоки профессионального духовного образования в России уходят в XVII век, когда были созданы первые школы греко-славянского типа при монастырях и домах епископов, а в 1685 г. – славяно-греко-латинская академия. Для священнослужителей образование в те времена являлось делом личной воли, число образованных людей в церкви было очень ограниченным (1).

В начале XVIII в. задачу образования духовенства попытался решить царь-реформатор Петр I, который сумел провести ряд прозападных преобразований в сфере духовного образования. Соратниками царя в проведении школьных реформ было киевское духовенство, близкое к европейскому просвещению. Воспитанные в духе схоластики и западного богословия, киевские ученые монахи приносили в Московскую духовную школу европейские традиции. В 1700-1701 гг. по образцу протестантской коллегии была рефор-

мирована Славяно-греко-латинская академия. В начале XVIII в. появились первые латинские школы в провинции (в 1700 г. - Черниговская, в 1702 г. - Ростовская, в 1703 г. - Тобольская). Курс обучения в них был ориентирован на изучение латинского языка и схоластики.

Для того, чтобы содействовать распространению духовного образования, Петр I издал в 1721 г. указ, провозгласивший необходимость обязательного обучения для сыновей священнослужителей и причетников, необученные недоросли исключались из духовного сословия. Духовный регламент предписал каждому архиерею образовать при своем доме школу для обучения кандидатов священства. Школы эти создавались первоначально с элементарным курсом. Впоследствии, по мере возможности, в них вводились высшие науки: грамматика, риторика, философия, богословие (2). Более полный латинский курс, по образцу Киевской академии, в программу духовно-учебных заведений был введен в 30-е гг. XVIII в. Школы с полным курсом в 1737 г. причислили к числу семинарий, а оставшиеся, с одним только славяно-русским обучением - к низшим ступеням духовного образования (3). Семинарии были закрытыми сословными учебными заведениями.

Местные священники и архиереи встретили новую школу с недоверием. Священнослужители-великороссы с большой неохотой отдавали своих детей на обучение. Известно, что попытка вятского воеводы полковника Чаадаева, правившего в Хлынове в 1721-1724 гг., учредить школу при дворе епископа Дионисия не нашла архиерейской поддержки и фактически окончилась неудачно. Сменивший Дионисия на вятской епархии епископ Алексей также долгое время не открывал епархиальную школу. Лишь по настойчивому требованию «высшего правительства» в 1727 г. он взял в архиерейский дом до 30 мальчиков, но школьниками они показывались только в донесениях епископа Синоду, на самом же деле никакого обучения детей не производилось (4).

Положение изменилось только после прибытия в Хлынов (будущую Вятку) в 1733 г. нового епископа Лаврентия (Горки). Это был широко образованный по тому времени человек, сторонник реформ и преобразований, соратник знаменитого проповедника и государственного деятеля Феофана Прокоповича. Выпускник, а затем и профессор Киевской духовной академии, епископ Лаврентий был горячим поборником развития просвещения и культуры. Один из его биографов даже приводит известие о том, что само прозвание свое, Горка, епископ получил от императора Петра I. После беседы с Лаврентием, император назвал его «горкою учения» (5).

Уже через год после своего прибытия, в 1734 г. Лаврентий Горка открыл в центре Вятской земли славяно-греко-латинскую школу, собрав в нее около 400 мальчиков из семей церковнослужителей и посадских людей. Содержание ее было возложено на местные монастыри. Настоятелям монастырей епископ направил требование о поставке к нему двадцатой доли с приплодного монастырского хлеба. Для обучения школьников Горка пригласил

из Киевской академии профессора Финицкого, преподавателя Лещинского, а несколько позднее - крупного ученого Иоакима Богомедлевского (6).

Начинания Лаврентия Горки, однако, встретили сильное недовольство и противодействие местного духовенства и посадских людей. Вятский историк А. Андриевский сообщает о том, что однажды жители города даже подняли открытое возмущение и «с дубьем и кирпичем» напали на устроенную епископом школу. Лишь после вмешательства Синода сопротивление просветительской деятельности нового епископа прекратилось (как сообщается в одном из дореволюционных очерков, в Санкт-Петербурге состоялся суд над противниками Лаврентия, один из которых, архимандрит Александр, был казнен в тайной канцелярии!).

Первоначально вятская школа состояла из двух степеней. Одна из них была начальной школой, в ней дети овладевали грамотой, другая – школой повышенного типа, где будущие священники обучались латинскому и греческому языкам, основам гуманитарных наук и богословских знаний. Позднее школа была разделена на шесть последовательных классов, в которых обучалось до 500 человек. В 1758 г. вятская славяно-греко-латинская школа была преобразована в духовную семинарию. Размещалась она при архиерейском подворье - в двухэтажной деревянной избе, а также в трех избах меньшего размера. К 1744 г. эти избы обветшали, и епископ Варлаам принял решение перевести школу в келью Успенского монастыря. Там она и действовала до пожара 1752 г.

Восстановил Вятскую семинарию после пожара епископ Вятский и Великопермский Варфоломей (Любарский) (1758-1774 гг.). После проведения секуляризационных реформ епископ испытывал большие трудности в содержании школы. В 1765 г. он получил на эти цели из коллегии экономии всего 490 рублей, этих денег едва хватило на весьма скромное жалованье преподавателям. Варфоломей вынужден был почти на две трети сократить число обучающихся. Из семинарии было уволено 200 воспитанников. Закрылись и устроенные в 1759 г. духовные школы в Кунгуре и Соликамске. Положение несколько улучшилось в 1784 г., когда было назначено отпускать на семинарию 2000 рублей. В 1797 г. этот оклад был увеличен до 3500 рублей, но и его было недостаточно для нормального функционирования школы (7).

Несмотря на финансовые трудности, Варфоломею Любарскому удалось превратить Вятскую семинарию в одно из лучших духовных учебных заведений того времени. Для преподавания сюда были приглашены воспитанники Киевской Академии Хрещатицкий, Адорский и Петр Любарский. По предписанию епископа, для семинарской библиотеки были выписаны сочинения церковных писателей и классическая литература на латинском и греческом языках (расходы на пополнение библиотеки составили почти 1500 рублей – огромная по тем временам сумма!) (8).

Достоинным преемником Варфоломея Любарского стал архиерей Лаврентий (Баранович) (1774-1796 гг.). Как утверждают историографы Вятской

семинарии, просвещенный епископ старался подражать в своей деятельности Московскому митрополиту Платону (Левшину), любимцу Екатерины II, который был, пожалуй, самым выдающимся представителем русской церкви конца XVIII в. Знакомцем Лаврентия (Барановича) был известный деятель культуры Н.Н. Бантыш-Каменский. В беседах с ним епископ Лаврентий старался узнать о порядках, вводимых в московских духовных семинариях. Благодаря заботам архиерея, в конце XVIII в. была существенно пополнена семинарская библиотека, в ней появились не только произведения богословия и литературы на латинском языке, но и русские периодические издания. Ему же семинария обязана и устройством нового, достаточно удобного учебного помещения. Епископу удалось отыскать средства для возведения двух новых обширных каменных корпусов. Они были построены на территории Филимоновской архиерейской дачи, на берегу реки Лелюченки. Семинаристы и преподаватели переехали туда в 1795 г.

К концу XVIII в. Вятская семинария стала полноценным богословским учебным заведением. Она имела 8 классов, в которых обучали, помимо богословия и священной истории, и светским предметам: философии, всеобщей истории, географии, арифметике, рисованию, алгебре, геометрии, поэзии, риторике, латинскому, греческому, еврейскому языкам. С 1786 г. предметы общего образования преподавали по учебникам, введенным в главных народных училищах, философские и богословские - по учебникам, принятым в Троицкой семинарии, Московской и Казанской академиях. Учителями Вятской семинарии первоначально были воспитанники Киевской академии, а затем и собственные питомцы. Многие из них, после окончания Вятской семинарии, учились в столичных учебных заведениях. Известно, например, что преподаватели С.Г. Калачников, П.И. Малинов, М.М. Зубарев учились в Троицкой семинарии, А.И. Шестаков - в Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии, Н.Е. Тукмачев, С.И. Шестаков, С.И. Кулыгинский, Ф.С. Глазырин, П.Р. Орлов, Г.И. Пинегин - в Казанской академии, Г.Д. Осокин, В.В. Дьяконов, Г.Е. Мышкин - в Московском университете (9).

Выпускники Вятской семинарии пользовались заслуженной славой в крае. Один из исследователей истории семинарии приводит в своем очерке впечатления от первой встречи с местным духовенством епископа Серафима Глаголевского, направленного в отдаленный край в 1804 г. Епископ, по его собственным словам, был очень удивлен, встретив на Вятке среди духовенства «много людей образованных и честного поведения». Покинув Вятку, Серафим Глаголевский всегда с похвалой отзывался о здешнем духовенстве и считал его лучшим из всех, бывших под его управлением (10). Вятские семинаристы сыграли важную роль и в становлении светской общеобразовательной школы на Урале. Именно они стали ее первыми учителями.

---

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начал XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т.1. С.101; Козлов М. Духовное образование в России.

- XVII-XX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С.408.
2. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т.1. С.506.
  3. Козлов М. Указ. соч. С.410.
  4. Андриевский А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1900. Т.1. С.80.
  5. Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С.245.
  6. Эмаусский А.В. Вятка в первой половине XVIII века // Энциклопедия Земли Вятской. Киров, 1995. Т.4. С.122.
  7. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1900. Т.2. С.583.
  8. Шишонко В. Указ. соч. С.31.
  9. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии ... С.589-593.
  10. Там же. С.595.

Жук А.В.
(Екатеринбург)

Проблема изучения военного фактора в истории Урала XX в.

Историческая литература о мировых войнах XX века достаточно обширна и разнообразна. Заметное место занимает тематика уральского региона. Выдающаяся роль Урала, как кузницы оружия, предопределила повышенный интерес исследователей в первую очередь к изучению его социально-экономического потенциала.

Однако проблема функционирования Уральского региона в годы Первой мировой войны в последнее время не так часто становилось предметом специального исследования. Отдельные аспекты темы (история военных заводов, технико-технологическое состояние и динамика военного производства, геополитический фактор) нашли отражение в работах Д.В. Гаврилова (1), Н.Н. Попова (2), И.В. Лаптевской (3), В.Н. Ильченко (4), В.А. Ляпина (5), К.И. Зубкова (6), А.В. Жука (7), Г.Н. Шумкина (8) и других. Фрагменты динамики военного производства на металлургических заводах Урала имеются в вышедшей сравнительно недавно энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.» (9). Ряд статей, посвященных военным заводам и военному производству на Урале в годы мировых войн, имеется в «Уральской исторической энциклопедии» (10).

Выходящие работы по военному фактору в истории Урала не свободны от недостатков. Сборники статей зачастую фрагментарны. Не выработаны